

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава тридцать первая

«Мальчики, не спешите!..»

Зацепило

Признаться, поначалу я думал, что на описание всей армейской службы мне хватит двух-трех глав за глаза. А как взялся, так зацепило, и одно тянет за собой другое, как будто опять влез в то время и не могу выбраться, как бывает в кошмарном сне.

Нет, не хочется мне, чтобы этот сон обратился в явь, если бы условием возвращения молодости было бы опять надеть погоны. Возможно, будь я генералом из генерального штаба с генеральской зарплатой, генеральскими квартирой, дачей, шоферами, адъютантами и ординарцами, может быть, шаркая подошвами по штабному паркету, другими глазами смотрел бы, но и в том не уверен...

Говорят, армейская служба прививает разные полезные навыки, и это правда. Много чему я в армии научился. Но и страх, постоянно солдатом владеющий, в меня впитался надолго. При том, что был я солдатом строптивым и за все четыре года ни разу не выполнил ни одного приказа, которое считал для себя оскорбительным. И в школе механиков и после нее, бывало, прямо говорил: «Этот приказ выполнять я не буду». И каждый раз мне это сходило с рук, потому что если бы младший командир настаивал на своем, ему бы пришлось привлечь к себе внимание старших начальников, а он этого боялся больше меня. Когда я слышу о делах сегодняшних, о том, что армейский капитан кого-то расстрелял и не мог поступить иначе, потому что приказ есть приказ, я это оправдание не ставлю ни в грош. Со времен Нюрнбергского процесса цивилизованным миром признано, что исполнение преступного приказа само по себе есть преступление. И если у нас присяжные могут оправдать расстрел невинных людей только потому, что расстрелявший действовал согласно приказу, наверное, мы еще не доросли до того, чтобы считаться цивилизованными.

Несмотря на то, что я был строптивым солдатом и, как казалось моим товарищам, никого не боялся, на самом деле боялся и даже очень. Страх жил внутри меня и после службы. Долго еще казалось мне невероятным, что вот иду я по улице, и никто не имеет права остановить меня для выяснения, куда иду, и зачем, и где мое разрешение на это хождение. Лет через семь после службы, в Москве, уже в звании члена Союза писателей СССР, то есть по советской иерархии сам вроде как генерал, шел я куда-то с будущим американским профессором Александром Яновым и вдруг увидел спешившего навстречу полковника.

— Наш командир полка! — прошептал я, толкнув Янова в бок, и попытался за него спрятаться.

Янов с удивлением посмотрел не на полковника, а на меня:

— Чего ты съезжился?

— Испугался, — смущенно признался я.

Штурм Берлина отменяется

Длинные были четыре года. Вспоминаю о каких-то подробностях армейской жизни и не знаю, как вписать их в общий рассказ, но упомянуть каждую все-таки хочется, не связывая одну с другой.

В школе время от времени нам устраивали медицинское обследование, главным элементом которого была сдача мочи на анализ. В серьезность и целесообразность анализа мы не верили. Смеха ради брали ведро, наполняли всей ротой, взбалтывали и разливали по бутылочкам. Врачи ни разу не удивились, почему это у всех одни и те же показатели...

По воскресеньям нас выгоняли на уборку территории — собирать окурки. Мы шли плотной шеренгой, после чего ни одного бычка на земле не оставалось. Вот бы на «гражданке» так всех по воскресеньям на улицу выгонять!.. Это я, разумеется, говорю в шутку. Приемы всяких бытовых процедур в армии совершенно не совпадают с гражданскими, хотя армейскому начальству странно, что военный порядок на

ГЕННАДИЙ НОВОНОВИЧ

Солдат спал с девушкой, обещал жениться. Пришло время демобилизации. Он поехал на вокзал, как будто провожать товарищей. Она, ему не доверяя, поехала вместе с ним. На станции стоит, держит его за ремень, чтобы он не убежал. А он как будто и не собирается. Но вот поезд тронулся. Солдат неожиданно расстегивает ремень, вскакивает в уходящий поезд — и был таков. Девушка остается на перроне одна, с ремнем в руках.

«гражданке» не перенимается. Гимнастерки и штаны мы стирали намыленными одежными щетками, полы посыпали влажными опилками, потом опилки сметали — и было чисто.

Мне повезло служить в армии мирного времени, в которой иногда казалось, что вся наша служба — идиотская игра, которая вряд ли когда-нибудь превратится во что-то более серьезное. Такое серьезное приблизилось только один раз. 17 июня 1953-го в Берлине произошло восстание рабочих. Оно было быстро подавлено танками, но, очевидно, советская армия готовилась к более неприятному сценарию. В те дни не только в Восточной Германии, но и у нас в Польше все войска были приведены в состояние повышенной боевой готовности, а в авиации дежурства несли не звенья, как обычно, а целые полки с подвешенными под крыльями бомбами. От нас до Берлина было десять минут лету. На одном ночном дежурстве я почему-то был не на КП, а приставлен к самолету с молодым, недавно пришедшим к нам в полк летчиком. Сидели в дежурке, играли в домино. Объявили тревогу, на этот раз не учебную. Летчики побежали к самолетам, механики тоже. Мой летчик сел в кабину, я поднялся на стремянку, чтобы из катапультного сиденья выдернуть предохранительную чеку. Прозвучала команда запустить двигатели. Мой летчик засуетился, и я увидел, как у него руки ходят ходуном, и он не может попасть пальцем в нужные кнопки. Я сам запустил двигатель и захопнул над головой летчика фонарь кабины. Отбежал от самолета и смотрел со страхом, что будет дальше. Если он не уймется дрожь, то уже на взлете может разбиться. Но тут объявили отбой. Мой летчик выключил двигатель, вылез из кабины... и я никогда не видел лица счастливее.

Снять противогазы — надеть презервативы

Недавно прочел в «Новых Известиях» о том, что в армии в порядке борьбы со СПИДом офицеры будут обучать новобранцев обращению с презервативами. Прогресс! Нас из действий подобного рода обучали разве что натягиванию на голову противогаса, но с этим вполне справлялись сержанты и старшины. Вообще секс, как неизбежная сторона жизни большо-

го скопления молодых организмов, армейскими уставами как бы вообще не предусматривался, поэтому он приобретал наиболее скотскую форму, какую только можно себе представить. Пока я служил в Польше, какие-либо контакты солдат с противоположным полом были практически невозможны, и большинство с этим стойко мирилось. Но некоторые от насильственного воздержания зверели.

Посудомойка Маша из офицерской столовой в Шпротаве была хрома, беззуба и неопытна. Ее, за неимением ничего лучшего, человек восемь солдат из комендантской роты затащили в кусты, выстроились в очередь. Стали торопить первого овладевшего ею, чтобы совесте имел и помнил, что не один. Но Маша, тоже сексуально неудовлетворенная, успокоила:

— Мальчики не спешите, всем хватит.

В Ворошиловграде, куда я попал после Польши, солдаты, отпущенные в увольнение или самовольщики, посещали ближайшее женское общежитие — там жили девушки, завербованные на строительство в Западной Украине. Не знаю, как сейчас, а в описываемое время рабочих из Западной Украины вербовали или, как в народе говорилось более точно, пригоняли на Донбасс, в индустриальные города Правобережья и на крымские земли, опустевшие после выселения татар. Везде были они дешевой рабочей силой, вроде как теперь гастарбайтеры молдаване или таджики. Девушки в Ворошиловграде работали на строительстве подсобницами, вели убогий образ жизни. Их общежитие отличалось от солдатской казармы только попытками это жилье украсить нехитрыми рукоделием и вырезками из «Огонька». Заработков им еле-еле хватало на пропитание, поэтому они проводили почти все время в своих комнатах, в лежачем состоянии, и случайно перепадающий секс был им единственным развлечением. Солдаты вели себя по принципу: «Наше дело не рожать — сунул, вынул и бежать». Приходили, знакомились, угощали водкой, разбавляли лежавших девиц. Привлекательность большого значения не имела. Если девица была слишком уж некрасива, шутили: «Ничего, лицо портянкой прикроем». Обычно не встречая сопротивления, забирались под одеяло и, лежа на боку, вступали в желанные контакты без предварительных усло-

вий. При этом поддерживали общий разговор с другими парами. Ничего похожего на романтику в этих соитиях не было.

Девушка с ремнем

Шурик Громов ходил к одной девушке, которая встречала его лежа и не вставала для провожания. И он никогда не приглашал ее ни встать, ни пройтись, ни сходить в кино. Однажды он пришел и увидел, что ее нет. Он спросил у ее подруг, где она. Ему сказали: «В роддоме». Шурик спросил, что она там делает? «Рождает». Сколько раз он с ней встречался под одеялом, всегда она ложилась к нему спиной, он при этом по наивности даже не заметил, что она была беременна и не просто беременна, а на сносях. Узнав новость, Шурик нисколько не огорчился и тут же получил свое от той, кто ему это сказал.

Этот же Шурик шел как-то пьяный из само-волки в часть по пустынной дороге, встретил знакомую девушку. Ни слова не говоря, схватил ее в охапку, оттащил в сторону от дороги, уложил на траву, сопротивления не встретил. Потом любовники встали, отряхнулись, она сказала «спасибо» — и разошлись в разные стороны. Солдаты в большинстве своем именно такие скотские радости и предпочитали, настоящих отношений избегая и надеясь, что нечто более серьезное, может быть, и любовь, придет к ним потом, после демобилизации. Девушки — не такие забитые, как описанные мной, а не потерявшие еще надежды на замужество — к солдатам относились с большим недоверием. Каким кавалером может быть солдат? Дадут увольнение — придет, не дадут — даже сообщить, что не дали, не сможет. Нищий. Денег у него нет ни на конфеты, ни на кино, ни на танцы. Встретаться с ним можно только где-нибудь в подъезде, под деревом или в кустах. И городские девушки солдатами, как правило, пренебрегали, а деревенские первые шаги, бывало, делали, но насчет дальнейшего ставили условие: «Вот распишемся, тады хучь ложкой хлебай». В таких случаях солдат часто шел на обман, обещая, что согласен на все, но в обратном порядке. Обман и коварство в отношениях с женщинами в армии считались за доблесть.

Во всех местах, в которых я служил, мне с восторгом рассказывали одну и ту же легенду. Солдат спал с девушкой, обещал жениться. Пришло время демобилизации. С другими демобилизованными он поехал на вокзал, как будто провожать товарищей. Она, естественно, ему не доверяя, поехала вместе с ним. На станции стоит, держит его за ремень, чтобы он не убежал. А он как будто и не собирается. Но вот поезд тронулся, набирает скорость. Солдат неожиданно расстегивает ремень, вскакивает в уходящий поезд — и был таков. Девушка остается на перроне одна, с ремнем в руках.

Продолжение следует